

**Рассказы.
Холодный
свет.**

**Надежда Бесоф
Кочетова**

18+

Надежда Бесоф Кочетова
Рассказы. Холодный свет.

«Автор»

2026

Бесоф Кочетова Н.

Рассказы. Холодный свет. / Н. Бесоф Кочетова — «Автор», 2026

В «Рассказах. Холодный свет» привычное становится чужим: бутерброд для чудовища, жемчужные зубы в шкатулке, двойник, который знает твоё прошлое лучше тебя. Это истории о том, как легко трещина в обычной жизни становится бездной. И как страшно бывает, когда кто-то оказывается «таким же, как ты».

© Бесоф Кочетова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Паром сквозь вечность	5
Хранитель без тени	7
Нити свалки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Надежда Бесоф Кочетова

Рассказы. Холодный свет.

Паром сквозь вечность

Андрей слыл везунчиком — по крайней мере, так он сам о себе думал. Вор-карманник с ловкими пальцами и чутьём на добычу, он ни разу не попался.

Однажды в парке он заметил странную женщину в старинном платье с кринолином и кружевными манжетами. Она стояла у фонтана, задумчиво глядя на воду, а из кармашка её платья выглядывали золотые карманные часы на цепочке.

Андрей действовал быстро и ловко: в мгновение ока часы оказались у него в кармане. Уже на безопасном расстоянии он рассмотрел добычу. Часы были старинными — с тонкой гравировкой и эмалевым циферблатом. Золото блестело даже в пасмурном свете.

В антикварной лавке седовласый хозяин долго разглядывал находку через лупу, цокал языком и наконец сказал:

— Мой друг, коллекционер часов, даст за них куда больше. Вам нужно переправиться на пароме на другую сторону реки. Вот записка с адресом.

Андрей кивнул, сунул записку в карман и направился к реке. У причала он остановился в ожидании парома, вертя в руках часы. Внезапно они выскользнули из пальцев и упали на землю. В тот же миг стрелка начала бешено крутиться в обратную сторону — не просто против хода времени, а с какой-то неестественной скоростью, будто пытаясь вырваться из механизма.

Вокруг Андрея поднялся серый, непроглядный туман. Он был плотным, почти осязаемым — казалось, его можно потрогать, сжать в кулаке. Воздух стал тяжёлым, густым, с привкусом металла и чего-то затхлого, словно из забытого склепа.

Сквозь пелену тумана Андрей едва различил очертания парома. Тот медленно подплыл к причалу, скрипя деревянными бортами. Андрей ступил на палубу. Паром был пуст, лишь капли воды стекали с вёсел, лежащих у борта.

Когда он сошёл на другой берег, то замер в изумлении. Вместо современных зданий — старинные дома с черепичными крышами; вместо машин — повозки, запряжённые лошадьми. Люди в одежде прошлых веков спешили по своим делам, бросая на Андрея странные взгляды.

Он достал записку и двинулся по указанному адресу. Удивительно, но дом антиквара нашёлся быстро — массивное здание с резными ставнями и кованой вывеской «Антикварная лавка И. В. Громова».

Антиквар встретил его улыбкой, которая показалась Андрею слишком широкой, неестественной. Его глаза блестели каким-то нечеловеческим светом.

— А, вы всё-таки пришли, — произнёс он, протягивая руку. — Часы, будьте добры.

Андрей отдал часы. Антиквар взвесил их на ладони, удовлетворённо кивнул и протянул мешочек с серебряными монетами.

— Оставьте их на пароме, и вы вернётесь домой. Это плата за переход. Только не теряйте их — иначе останетесь здесь навсегда.

Андрей кивнул и поспешил к реке. Паром уже ждал его, туман клубился вокруг, словно живой. Он ступил на борт, достал монеты — и в этот момент мешочек выскользнул из рук. Монеты рассыпались и с тихим плеском упали в тёмную воду.

— Нет! — вскрикнул Андрей, бросаясь к краю парома.

Но было поздно. Паром медленно отчалил от берега. Андрей в отчаянии оглянулся — берег уже растворился в тумане. Он бросился к рулевому колесу, но оно не поддавалось, будто присосшее к месту.

Туман сгущался, становился всё плотнее. Андрей слышал, как где-то в его глубине раздаются странные звуки: шёпот, стоны, звон цепей. Время потеряло смысл. Часы на руке остановились, стрелки застыли на месте. С каждым часом (или веком?) разум Андрея начинал плыть. Ему чудились тени за спиной, шёпот на незнакомом языке, чьи-то шаги на палубе.

Иногда он видел в тумане силуэты других пассажиров — бледные, полупрозрачные, с пустыми глазами. Они молча смотрели на него, пока паром плыл сквозь вечность.

Однажды утром (если это вообще было утро) Андрей заметил, что его отражение в лужице на палубе стало другим. Лицо постарело на десятки лет, глаза ввалились, а в волосах появилась седина.

Он закричал, но крик утонул в густом тумане. Теперь он сам стал частью этого парома — вечным пассажиром, затерянным между мирами.

Иногда, в редкие минуты просветления, он вспоминает свою прошлую жизнь, но эти воспоминания тают, как утренний туман. И лишь изредка, когда ветер приносит запах свежего хлеба или детский смех, в его душе вспыхивает искра чего-то давно забытого — но тут же гаснет.

А паром всё плывёт и плывёт сквозь серый туман, унося Андрея всё дальше от дома, который он уже не помнит.

Хранитель без тени

В глухом краю, где горы сжимали долину в тёмных объятиях, стоял древний монастырь. Его каменные стены, покрытые мхом и паутиной трещин, помнили века молитв и покаяний.

Среди монахов и местных жителей ходила легенда: в монастыре жил старый облезлый пёс — хранитель места, приносящий удачу. Говорили, будто он исполняет желания, но, будучи частью святого места, не делал этого здесь: святость стен сдерживала его силу.

Николай приехал в эти края, когда жизнь казалась ему краем пропасти. Работа не ладилась, отношения рушились, деньги утекали сквозь пальцы. Он чувствовал, что стоит на краю бездны, откуда нет возврата. В отчаянии он услышал легенду о псе и решил: если не может получить помощь от людей, попробует обратиться к сверхъестественному.

Пёс и правда выглядел жалко. Шерсть клочьями свисала с боков, обнажая воспалённую, покрытую струпьями кожу. Из рта непрерывно текли слюны — тягучие, желтоватые, с неприятным сладковатым запахом, напоминавшим гниющие фрукты. Лапы дрожали и едва держали тело, а суставы издавали сухой треск при каждом движении. Но в глазах его таилась какая-то древняя мудрость — или древнее зло.

Николай решился: ночью он пробрался в монастырь и унёс пса с собой. Первые дни Николай ухаживал за животным с трепетной заботой. Он мыл его, кормил лучшей едой, устраивал мягкое место у камина.

Но вскоре заметил странное: у него самого начали дрожать руки, а изо рта стала стекать слюна — такая же вязкая и желтоватая. По ночам он просыпался от ощущения, будто кто-то скребётся под кроватью, а утром находил на полу тёмные клочья шерсти, хотя пёс почти не линял.

Николай отвёл пса к ветеринару. Врач осмотрел животное и побледнел.

— Я никогда такого не видел, — прошептал он. — Пёс практически не дышит, сердцебиение замедлено до минимума, пульса почти нет. И ещё, — врач сглотнул, — у него нет тени. Посмотрите на пол.

Николай опустил взгляд. Действительно, в лучах солнца пёс не отбрасывал тени — лишь тёмное расплывчатое пятно, будто дыра в реальности.

— Оставьте его у меня на обследование, — попросил ветеринар, но в его глазах читался неподдельный страх.

Николай согласился и ушёл домой, но ночью проснулся от тяжёлого ощущения, будто кто-то смотрит на него. В ногах кровати сидел пёс. Его глаза горели неземным огнём — не красным, а неестественно белым, как раскалённые угли. Слюна капала на пол, оставляя тёмные пятна, которые шипели и разъедали дерево. Пёс оскалился, обнажая длинные жёлтые зубы, заострённые, как иглы.

Ужас сковал Николая: тело покрылось холодным потом, дыхание перехватило. Он хотел закричать, но не смог издать ни звука — горло словно сдавило невидимой рукой.

Утром, едва дождавшись рассвета, Николай отвёл пса к местной гадалке. Старуха, едва взглянув на животное, перекрестилась.

— Ты совершил ошибку, — прошептала она. — Этого пса нельзя было забирать из монастыря. В нём сокрыто древнее зло, и только святые стены сдерживали его. Теперь оно пробудилось и питается тобой. Смотри.

Она указала на зеркало. В отражении Николай увидел не себя, а иссохшего старика с провалившимися глазами и серой кожей. Пёс же в зеркале выглядел иначе: молодой, с густой чёрной шерстью и глазами, полными тьмы.

Дрожащими руками Николай повёл пса обратно к монастырю. Но на полпути ноги отказали: он упал на спину, беспомощно глядя в серое небо. Пёс встал над ним, слюна капала прямо на лицо, обжигая кожу, словно кислота.

Животное наклонилось и стало дышать ему в лицо — медленно, ритмично. Каждый выдох был ледяным, от него на коже появлялись крошечные кристаллики инея. Николай почувствовал, как жизнь уходит из него. Он попытался пошевелиться, но тело не слушалось.

С ужасом он наблюдал, как пёс преобразается: шерсть обрастала, становилась густой и блестящей, лапы выпрямились, глаза засияли живым огнём. В то же время Николай менялся в обратную сторону: волосы выпадали клочьями, обнажая кожу с тёмными венами, зубы крошились и выпадали, из носа потекла бурая кровь — густая и липкая, с металлическим запахом. Тело сохло, кожа сморщивалась, покрываясь тёмными пятнами, похожими на плесень. Он дёргался в агонии, но не мог пошевелиться. В ушах звучал шёпот — сотни голосов, шепчущих на непонятном языке.

Напоследок пёс лизнул лоб Николая холодным шершавым языком. От прикосновения кожа на лбу зашипела и покрылась волдырями. Затем зверь убежал, скрылся за холмами.

На земле остался лежать иссохший старик — тёмносерого цвета, дряхлый, немощный. Его глаза были открыты, но в них не осталось ни мысли, ни боли — лишь пустота.

Вскоре за ним пришли монахи. Они отнесли его в монастырь, где Николай доживал свои последние дни в полном молчании и немощи. Он больше не говорил, не ел, лишь сидел у окна, глядя на горы, и шептал одними губами:

— Прости.

А по ночам монахи слышали, как где-то во дворе монастыря раздаётся тихое рычание, — и тогда крепились крепче, читая молитвы до самого рассвета.

Иногда они замечали, как на стенах появляются тёмные пятна: они расползались, принимая очертания пса, а затем исчезали, оставляя после себя запах гниющих фруктов и сырости. И каждый раз, когда пятно появлялось, свечи начинали гореть синим пламенем, а иконы на стенах словно темнели, будто теряя святость.

Нити свалки

Григорий жил на старой свалке уже третий год. Он давно потерял счёт дням — время здесь текло иначе, будто вязло в мусоре, как ботинок в раскисшей грязи. Ржавые остовы машин, груды битого стекла, истлевшие тряпки и горы хлама создавали лабиринт, в котором Григорий научился ориентироваться лучше, чем в городских кварталах.

Он находил среди этого хлама то, что могло пригодиться: одежду потеплее, консервы с ещё не истёкшим сроком годности, инструменты. Свалка стала его домом — мрачным, но привычным.

Однажды утром Григорий заметил нечто новое. На дальнем краю свалки, у старого бетонного блока, стояло пугало. Оно выглядело так, будто его вытащили из какого-то забытого поля: потрёпанная соломенная набивка торчала из прорех в мешковине, на голове — выцветшая шляпа с обвисшими полями, а вместо глаз — две чёрные дыры. Казалось, оно смотрит прямо на Григория.

Он подошёл ближе, чтобы рассмотреть находку. Пугало стояло неподвижно, но что-то в нём вызывало тревогу — не просто страх перед странной вещью, а ощущение, будто он наступил на чужую, запретную территорию.

Григорий пожал плечами и вернулся к своим делам. Той же ночью он проснулся от странного звука — будто кто-то скребётся по металлу неподалёку. Григорий выглянул из своего убежища: вокруг царил тишина, густая и плотная, как сажа.

Он уже собирался вернуться в постель, когда заметил: пугало больше не стояло у бетонного блока. Оно переместилось ближе — на десяток метров.

«Ветер, — подумал Григорий. — Просто ветер».

Но ветра не было. Воздух стоял неподвижный, густой, словно застывший.

Следующие несколько ночей стали кошмаром. Каждую ночь пугало оказывалось всё ближе. Сначала оно стояло в двадцати метрах от убежища Григория, потом — в десяти, затем — у самого входа. А однажды утром Григорий увидел, что на земле остались следы — глубокие борозды, будто кто-то волочил ноги, переставляя тяжёлые, негнущиеся конечности.

На четвёртую ночь Григорий слышал шаги — не тяжёлые и скрипучие, как у пугала, а лёгкие, шаркающие, будто кто-то шёл босыми ногами по мусору. Он выглянул наружу и увидел её — старуху в лохмотьях, с седыми спутанными волосами до пояса. Она бродила между груд хлама, бормоча что-то себе под нос, и время от времени наклонялась, подбирая какие-то обломки.

— Эй! — хрипло окликнул Григорий. — Ты кто?

Старуха замерла, медленно повернула голову. Её глаза были мутными, белёсыми, как у слепой. Но Григорий почувствовал, что она видит его — видит насквозь, до самого дна его страха.

— Не трогай то, что не твоё, — прошипела она. — Оно уже выбрало тебя.

Затем она развернулась и скрылась между ржавых остовов машин. Григорий похолодел. Он никогда раньше не видел её на свалке. Да и кто вообще стал бы бродить здесь по ночам?

Следующей ночью скрежет раздался прямо за стеной. Григорий замер, прислушиваясь. Затем он услышал шаги — тяжёлые, медленные, будто кто-то с трудом переставлял ноги.

Пугало стояло снаружи, прижимаясь к стене из ржавых листов. Григорий отчётливо различил скрип соломы и шорох мешковины. Он решился выглянуть. Пугало повернуло голову — медленно, с тихим треском — и уставилось на него своими чёрными провалами вместо глаз. В этот момент Григорий понял, что оно не просто двигается. Оно наблюдает. Оно ждёт.

Вдруг за спиной он услышал шарканье. Обернулся — в углу убежища стояла старуха. Её губы растянулись в улыбке, обнажая чёрные, гнилые зубы.

— Оно не любит, когда за ним следят, — прошептала она. — Теперь ты часть свалки. Как и я. Как и все остальные.

Пугало вошло внутрь. Григорий вскочил, схватил железный прут, который держал для защиты, и замахнулся. Удар пришёлся в плечо пугала — солома разлетелась, но оно даже не покачнулось. Вместо этого оно протянуло руку — грубую, сшитую из мешковины, с пальцами, набитыми соломой.

Григорий бросился к выходу, но старуха оказалась быстрее. Её пальцы, холодные и сухие, как ветки, схватили его за запястье. От неё пахло плесенью и землёй, запахом сырых подвалов и забытых могил.

— Бежать некуда, — прошипела она. — Свалка забирает всех.

Пугало приблизилось. Его рука коснулась плеча Григория, и он почувствовал, как что-то холодное и колючее проникает под кожу — будто солома прорастает внутри него. Он закричал, но звук утонул в скрипе мешковины и шёпоте старухи:

— Теперь ты один из нас.

Утром на свалке было тихо. Пугало снова стояло у бетонного блока, как будто его никогда и не перемещали. Рядом с ним лежала старая шапка Григория и пара его ботинок. А в убежище, среди тряпок и хлама, кто-то начал ворочаться, медленно поднимаясь на ноги.

Новая фигура, чуть меньше пугала, сгорбленная и неуклюжая, вышла наружу и огляделась. Её глаза были двумя чёрными дырами. Рядом, у груды ржавых баков, стояла старуха. Она смотрела на новое создание и улыбалась своей жуткой улыбкой. Затем повернулась и побрела вглубь свалки, бормоча:

— Следующий... Скоро будет следующий.

Свалка приняла нового сторожа. И теперь где-то среди мусора уже притаилась новая тень, ожидая своего часа. Новая фигура, сгорбленная и неуклюжая, сделала несколько неуверенных шагов по усыпанной осколками земле. Движения её были дёргаными, словно кто-то управлял ею на невидимых ниточках. Она повернула голову — чёрные провалы глаз усталились на старуху. Та кивнула, будто удовлетворённая осмотром, и скрылась за грудой искорёженного металла.

Фигура осталась одна. Она медленно подняла руки, изучая их — грубые, сшитые из мешковины, с пальцами, набитыми соломой. В её сознании ещё теплились обрывки воспоминаний: имя «Григорий», запах дождя, ощущение тёплого хлеба в руках. Но эти образы таяли, растворяясь в густом тумане, заполнявшем голову. Вместо них приходили другие — холодные, чуждые: скрип ржавых конструкций, шорох мусора под ногами, зов свалки.

Она побрела вдоль рядов заброшенных машин, задевая плечом ржавые кузова. Каждый шаг давался с трудом — тело ещё не привыкло к новой форме. Внезапно она остановилась, уловив едва заметное движение среди груды старых покрышек. Из-за них выглядывали два блестящих глаза — маленькие, настороженные. Крыса. Фигура замерла, прислушиваясь к себе. Внутри что-то шевельнулось — не мысль, а инстинкт. Она сделала шаг вперёд. Крыса бросилась наутёк, но фигура оказалась быстрее. Её рука метнулась вперёд, схватив зверька за хвост. Раздался писк — короткий и жалобный. В тот же миг в сознании вспыхнули образы: десятки крыс, прячущихся в мусоре, птицы, выющие гнёзда в заброшенных кабинах, даже люди — редкие посетители свалки, оставляющие после себя следы. Всё это теперь принадлежало ей. Она знала, где кто находится, чувствовала их присутствие, как паук чувствует вибрации паутины.

Тем временем старуха, скрывшаяся за грудой металла, остановилась у старого холодильника с распахнутой дверцей. Она заглянула внутрь и тихо произнесла:

— Скоро, — её голос прозвучал хрипло, но в нём слышалась уверенность. — Он уже близко. Чувствую его страх. Он идёт сюда, сам того не зная.

Из холодильника донёсся слабый стон. Старуха усмехнулась, захлопнула дверцу и побрела дальше, бормоча:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.